

И. А. Развадовская

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ В ТВОРЧЕСТВЕ РОБЕРТА ЭРВИНА ГОВАРДА

Мифология занимает важное место и в устной фольклорной традиции и в мировой литературе вообще. Из нее выросли сказки (о животных и волшебные), героический эпос, в которых происходит десакрализация и деритуализация мифического. Огромную роль сыграли мифологические мотивы в генезисе литературных сюжетов. Мифологические темы, персонажи, образы используются и переосмысливаются почти на всем протяжении истории литературы.

В эпоху Возрождения в связи с тенденцией к «возрождению классической древности» популярностью пользуется рационально-упорядоченная античная мифология («высокая мифология»), одновременно с которой активизируется народная демонология («низшая мифология» средневековых суеверий). В XVII в. в большей степени благодаря Реформации широко используются сюжеты библейской мифологии (особенно в литературе барокко), а античные темы и мотивы сильно формализуются (особенно в литературе классицизма). Литература Просвещения в XVIII в. использует мифологические сюжеты в основном как условные фабулы, в которые вкладывалось абсолютно новое философское содержание. Но одновременно с этим XVIII столетие открывает новые горизонты для свободного сюжетосложения (наиболее ярко проявилось в романе). Романтизм XIX в. возродил нефор-

мальный интерес к мифологиям, связанный с натурфилософией, идеей народного духа и гения и мистическими тенденциями. Романтики отсылались к интерпретации мифов вольно, не традиционно и творчески. Интерпретация и сама становится инструментом самостоятельного мифологизирования. Реализм XIX в., стремящийся к научно-детерминированному описанию современной жизни, мало обращался к мифам и по сути являлся веком демифологизации. Модернистские течения философии и искусства конца XIX в. оживили интерес к мировому мифу. Это привело к своеобразным творческим, индивидуальным обработкам и интерпретациям мифов. Можно утверждать, что удивительный взлет литературы начала XX в. — это закономерный результат постепенного накопления философичности в традиционных мотивах вызванных своеобразной трансформацией мифологии в литературу. В романе и драме 10—30-х гг. XX в. (произведения Т. Манна, Дж. Джойса, Ф. Кафки, У. Фолкнера, драматургия Ж. Кокто, Ж. Жироду) разворачиваются мифотворческие тенденции, что позволяет Е. Мелетинскому говорить о «мифологизме» в литературе XX в. и различных видах мифологизации в современном романе. Возникает «роман-миф», в котором разнообразнее мифологические традиции используются как материал для поэтической реконструкции «исходных мифологических архетипов» возникших под влиянием

психоанализа З. Фрейда и гипотезы относительно глубинного коллективно-бессознательного слоя психики К. Юнга. Как видим, мифология всегда вызывала живой интерес, поэтому неудивительно обращение к ней и Р. Говарда, для которого важным было непосредственно-чувственное восприятие мира мифом и одновременно обобщение и расцветивание этого мира фантазией (американское национальное мышление насквозь мифологично). Американский писатель часто использует «готовые» мифологические сюжеты и темы, которые могут претерпевать изменения или оставаться неизменными.

Использование «готовых» сюжетов и тем — прием, характерный для раннего «ученического» творчества Р. Говарда. Наиболее полно можно проследить, как писатель пользуется этим приемом в рассказе «Крылья в ночи». В данном произведении художник обращается к греческой мифологии и использует миф о сражении аргонавтов с гарпиями. Античный миф повествует о том, как аргонавты Зет и Калаид изгнали гарпий из дома бывшего царя Фракии Финея и преследовали их до Плотийских скал (Строфад), где по велению богов оставили крылатых чудовищ. Под пером Р. Говарда греческий миф получает продолжение. Изгнанные гарпии отправились в Африку, издавна считающуюся континентом тайн и магии, именно там Соломон Кейн вновь сразился с ними. Необходимо отметить, что в «Крыльях в ночи» Р. Говард почти во всем следует первоисточнику, изменяя лишь незначительные детали. В греческой мифологии гарпии, дочери морского божества Тавманта и океаниды Электры, представлены злобыми похитительницами детей и человеческих душ, которые внезапно налетали и исчезали, как ветер. Изображались они в виде крылатых диких миксан — тропических существ — полуженщин-полуптиц отвратительного вида. Зооморфность гарпий объясняется тем, что религия древних греков (как и многих народов мира) связана с тотемизмом, и сами гарпии являются божествами более архаическими, чем олимпийские боги. Р. Говард в своем рассказе не только изменяет название крылатых чудовищ, давая им имя «акаана» (так, по мнению писателя, должен был звучать «африканский» эквивалент названия «гарпия»), но и дает детальное описание облика акаан. «Создание напоминало человека, но было не по-человечески высоким, не по-человечески худым. Длинная, узкая, безволосая голова казалась головой хищника. Маленькие, прилегающие, очень острые уши, помутневшие после смерти глаза — косые, необычного желтого цвета. Нос

узкий и крючковатый, как клюв хищника. Рот напоминал глубокую рану. Искривленные в гримасе агонии узкие губы, покрытые пеной, обнажали волчьи клыки. Большой палец — как у некоторых обезьян, и все пальцы вооружены большими кривыми когтями. Грудь этого существа была удивительно безобразной — словно корабельный киль, от которого назад уходят ребра. Длинные паучьи ноги заканчивались большими, цепкими, похожими на ладони, ступнями, и большой палец противостоял остальным — как у человека. Когти задних лап подходили скорее на длинные ногти. Однако самое необычное у этого удивительного существа — его спина. Прямо из плеч росли два огромных крыла — похожие на крылья бабочки, но это — натянутая на костный скелет кожа. Начинались они чуть ниже плечевых суставов и кончались, не достигая узких бедер» [Г., с. 219—220].

Заметим, что Говардовское описание акаан-гарпий гораздо шире мифического, но при этом писатель сохраняет их зооморфные черты. Следует отметить, что многие персонажи Р. Говарда зооморфны: акаана («Крылья в ночи»), люди-змеи («Королевство теней») и т. д. Иногда в Говардовских рассказах в облике животных предстают боги, например, Сет выступает в облике змеи, Хануман — в облике обезьяны и пр. Зооморфность как отсутствие абсолютно-законченной формы была призвана подчеркнуть принадлежность акаан-гарпий к Хаосу, который воспринимается писателем как страшная бездна, уничтожающая все формы материи, все живое, то есть Зло. Подобная точка зрения (отождествление Хаоса с Аидом, подземным царством мертвых) прослеживалась в мифологии римлян (особенно в эпоху агонии Римской империи). Но если для римлян подобное понимание было единственно верным, то для Р. Говарда оно в данном случае больше литературный прием, призванный сделать контраст между Злом и Добром более ярким (такой прием наиболее часто встречается в сказке). Отметим, что почти во всех произведениях Р. Говарда боги Тьмы или злые демоны представлены в зооморфном виде. В то же время в некоторых произведениях (например «Народ тени») писатель говорит о Хаосе с другой позиции, которую, видимо, заимствует у греческих философов классического периода, пытавшихся понять Хаос. Они воспринимали его как беспорядок, смешение основных, натурфилософских стихий (земли, огня, воздуха, воды), но видели в хаосе зародыш всех вещей и явлений, которым следует раскрыться, проявиться в будущем.

Таким образом, Р. Говард следует за античной мыслью, сводящей воедино конец и на-

чало, жизнь и смерть, и понимает макросложность космоса, в котором постоянно идут процессы рождения, обновления и гибели, уничтожения. «Хаос предстает как великий трагический образ космического первоединства, где расплавлено все бытие, где оно появляется и гибнет; поэтому Хаос есть универсальный принцип целого и бесконечного становления, развития. В то же время он — вечная смерть для всего живого» [2, с. 581]. Использование сюжета и перенос событий античного мифа в другое время (XVI в.) должно было, с одной стороны, иллюстрировать мнение писателя об отсутствии эволюции, с другой — прославить героя, бросившего вызов Злу.

В некоторых случаях писатель брал миф или варианты мифов и весьма вольно их интерпретировал. Именно таким случаем является валузианский цикл Р. Говарда, в основу которого был положен миф о существовании Атлантиды, Лемурии, Му, к которым фантазия автора прибавила новый материк — Валузию. В цикле прослеживается влияние теории космических катастроф, ставшей популярной в XX в. Апологеты этой теории ссылаются на то, что концепция уничтожения мира через огонь или воду существовала в мифологиях многих стран мира (Иран, Индия), особенно тех, где мифология сливалась с наукой. В цикле о короле Валузии Кулле и в некоторых последующих циклах встречаются упоминания о великом катаклизме, когда часть суши опустилась под воду (Атлантида, Лемурия, Му, Валузия), развитые цивилизации погибли.

Судя по тому, что Р. Говард в произведениях упоминает о четырехкратном уничтожении цивилизаций водой и огнем, можно предположить, что писатель обращался к мифологии древних индусов. Именно в ней утверждается, что люди появились на Земле 18 млн 618 тыс. лет назад и за это время четыре раза уничтожались огненными и водными стихиями. Свидетельством того, что Р. Говард обращался к индуистской мифологии, служит образ людей-змей, который является явно вольной интерпретацией мифологических нагов. В индуистской мифологии наги — это полубожественные существа со змеиным туловищем и одной или несколькими головами, которым принадлежит подземный мир — патала, где они стерегут несметные сокровища земли. Наги чтились как мудрецы и маги, способные изменять облик и оживлять мертвых. Первоначальный образ под пером писателя изменился почти до неузнаваемости. От мифического образа сохранилась лишь зооморфность (люди-змеи у Р. Говарда обладают человече-

ским телом и головой змеи), магические способности да возможность изменять облик. Если в мифологии индусов наги помогали людям, а женщины-нагини, славящиеся красотой, часто становились женами смертных царей и героев, то в Говардовской интерпретации люди-змеи превращаются в непримиримых человеческих врагов. Корни отрицательного понимания образа Змея следует искать также в мифологических представлениях. Еще в древних космогониях потоп, несший разрушения и хаос, считался Драконом (Змеем). Отсюда у каждого народа встречается в сказках, мифах, легендах образ Дракона (Змея) и описывается борьба солнечного бога с ним (позднее богов сменили культурные герои или просто герои-богатыри).

Таким образом, можно выстроить логическую цепочку: «зло есть хаос; хаос есть дракон». Р. Говард трансформирует этот образ змея так, что в нем прослеживаются черты не только языческой мифологии, но и христианской, где Змей также выступает как враг рода человеческого, искуситель. Для писателя образ змея становится символом коварства и низменных человеческих чувств, что вполне объяснимо с дуалистической точки зрения, где земля рассматривается как нечто низкое, материальное, телесное, а небо как высокое и духовное. К этому присоединился и сугубо человеческий страх перед пресмыкающимися. Но отметим, что, хотя отрицательная трактовка мифологема Змея наиболее часто встречается в произведениях американского писателя, она не является абсолютной. В некоторых рассказах (например «Народ тени») встречаемся с другой трактовкой образа Змея: змея, кусающая себя за хвост, становится моделью мира, символом круга, а значит, и вечной жизни, смерти и возрождения (подобная модель встречается на Ближнем Востоке). Этому есть объяснение: образ Змея является в мифологии самым сложным и до нашего времени вызывает споры ученых. Его и обожествляют, и боятся, что осталось еще с архаического времени. Именно в этом нам видится объяснение двойственности образа Змея в творчестве Р. Говарда. С образом Змея тесно связан миф о змееборце широко распространенный в мировой мифологии и часто используемый американским писателем (со змеем сражается Кулл, Конан). В интерпретации Р. Говарда мифологическая борьба светлого бога (героя), олицетворяющего Космический порядок, со Змеем, рассматривающимся как Хаос, превращается в этическую борьбу между Добром (герой) и Злом (змея).

Для реализации замыслов в рассказе «Долина Червя» Р. Говард обратился к мифу о

змееборце, но своеобразно. Он попытался воссоздать прамиф, который стал исходным материалом для последующих мифов на эту тему: о Персее, Зигфриде, Беовульфе, Святом Георгии. В интерпретации Р. Говарда мифологические события становятся квазиисторическими, относящимися к архаичному времени. Главный герой, Ньерд из племени эсиров, сражается с Сатхой, гигантским вымершим змеем. Однако это сражение было лишь прелюдией к истинному бою с тератологическим чудовищем, в котором совмещены черты разных существ. «Он был белым и мягким и, подобно червяку, волочил по земле свое студенистое тело. Но у него были также широкие плоские щупальца и какие-то длинные мясистые выросты, назначение которых осталось для меня тайной. Был у него и длинный хобот, который сворачивался и разворачивался, подобно слоновьему. Четыре десятка глаз, расположенных по кругу, складывались из многих тысяч фасеток, переливавшихся яркими красками, неустанно изменявших цвет и оттенок» [1, с. 293].

Кроме мифа о змееборце, автор использует мотив скандинавского эсхатологического мифа о Рагнареке — последней битве богов и хтонических чудовищ, после которой следует гибель богов и всего мира. И вновь Р. Говард мифологические события превращает в квазиисторические — создает поля Ютунхайма,

которые спустя века трансформировались в Рагнарек и Геттердеммерунг.

Р. Говард в творчестве движется от включения в собственно-вымышленный художественный мир пластов и достижений культур к возможности их взаимодополняющего существования. Подобный подход свидетельствует об усилении в творчестве писателя тенденций синтеза различных культур, тяготения к разрушению барьеров внутри культурного пространства и возврата к первоисточнику — единому для всех культур мифу. Обращаясь к древним мифам, писатель пытается утверждать вечные гуманистические ценности, протестует против прагматизма, материальной сытости и довольства, развращающих человеческую душу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Говард Р. Собрание сочинений: В 4 т. Мн., 1993. Т. 2.
2. Мифы народов мира. М., 1990. С. 581.

SUMMARY

Myth is the beginnings of literature. Mythological themes, types, characters are used and interpreted in literature all its history. The transformation of world mythological plots in the works by Howard is considered in the article.

РЕПОЗИТОРІУМ